

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-165-177

УДК 103.2

ПУТИ ЛОГОСА И ЭЙДОСА: АНТИЧНЫЙ РАЗУМ В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Соболев Ю.В.

Статья посвящена реконструкции и концептуальному анализу античной гносеологической эвристики. Лейтмотивом экспликации проблемы становится осмысление рационального знания в древне-греческой культуре посредством ревизии таких фундаментальных понятий как логос, эйдос и мифос. Обращение к ключевому понятию «логос» предлагается в метафилософском, онтологическом, гносеологическом и религиозном аспектах. В результате, логос анализируется как разумное начало, имеющее в своём основании нередуцируемые элементы мифоса. Сама генеология логоса в своём развитии представлена в краткой историко-культурной дискрипции от античной эпохи до Нового времени. Методология статьи представлена текстологическим, концептуальным и феноменологическим и компаративистским анализом. В ходе работы было установлено, что: 1) мифологическая интуиция связывает логос с Гермесом, которая интерпретируется как функциональное отождествление логоса с истиной; философская же интерпретация отождествляет логос либо с внутренним законом сущего – логос есть истина (линия Гераклита), либо противопоставляется явлению (линия Парменида); 2) ранняя античная философия не знает жёсткой дихотомии логоса и эйдоса. Результаты исследования могут быть использованы при философском и культурологическом анализе различных аспектов логоса и мифоса. Практическая ценность исследования заключается в возможности включения результатов исследования в лекционные и семинарские занятия по философии, религиоведению, культурологии.

Ключевые слова: логос; эйдос; мифос; рациональность; истина; античность; герметизм.

THE WAYS OF LOGOS AND EIDOS: ANTIQUE MIND IN SEARCH OF THE TRUTH

Sobolev Y.V.

The article is devoted to the reconstruction and the conceptual analysis of antique gnoseological heuristics. The comprehension of rational knowledge in ancient Greek culture by means of audit of such fundamental concepts as logos, eidos (myth) becomes a keynote of the explication of a problem. The appeal to the key concept “logos” is offered in metaphilosophical, ontologic, gnoseological and religious aspects. As a result logos is analyzed as the reasonable and fundamental quality having not reduced elements of a myth in the basis. The genealogics of logos in the progress is presented in short historical and cultural description from the antique era to modern times. The methodology of the article is presented by a textual, conceptual, phenomenological and comparative analysis. During the work it was worked out that: 1) the mythological intuition connects logos with Hermes so that it is interpreted as functional identification of logos with the truth; philosophical interpretation identifies logos either with the internal law of existence – logos is the truth (Heraclitus’s line), or it stands in contrast to the phenomenon (Parmenides’ line); 2) the early ancient philosophy doesn’t know the strict dichotomy of logos and eidos. The results of the research can be used in the philosophical and culturological analysis of various aspects of logos and a myth. The practical value of the given research consists of a possible inclusion of results of the research in lecture and seminar classes in philosophy, religious studies and cultural science.

Keywords: logos; eidos; mythos; rationality; truth; Antiquity; Hermeticism.

Введение

В сегодняшнем лексиконе имеется несколько понятий, сообщаем нам, на первый взгляд, одно и то же: *разумность–логичность–рациональность–рационализм*. «Говоря, что «логическое»,

«рациональное», «разумное» суть одно и то же, мы не только употребляем три по-разному звучащих слова в качестве обозначений одного и того же значения: в «логосе», «ratio», «разуме» одновременно бытийствует судьба, вся история западноевропейской метафизики. Считать что-либо чем-либо и выдавать его за таковое – значит высказывать суждение» [13, с. 332]. Но поставим вопрос так: рациональна ли математика? Вынуждены будем признать, что не всякая математика рациональна. Древние вавилоняне и египтяне знали математику задолго до античного мира, но можно ли древневосточные модели математического знания считать рациональными? Разумными – безусловно, но рациональными нет. Причина проста: лишённость тех математических моделей системности и доказательных связей между отдельными положениями, которые, сами по себе, были весьма интересны.

Первая дедуктивная модель математики оформляется лишь в Древней Греции, поэтому не случайны ссылки математиков наших дней на авторитеты Архимеда, Фалеса, Пифагора, Аристотеля. «Все сходящиеся к Ньютону линии развития математики, механики и астрономии получили свое начало в Греции», – замечает современный математик Б. Варден [3, с. 10]. Продолжая рассуждения о математических культурах древнего мира, Варден, отдавая первенство в геометрии – Египту, а в алгебре – Вавилону, говорит о том, что именно Фалес и Пифагор придали восточной математике «совершенно другой, специфически греческий характер» [3, с. 12]. И то, что голландский математик называет «специфически греческим характером», А. Лосев «греческим логосом», Э. Ренан «греческим чудом» – суть определение исходной интуиции, лежащей в основании античной культуры, синтезирующей в русле *разумности* все грани жизни древнего эллина: научно-эвристические, мифолого-религиозные, художественно-эстетические, общественно-политические.

Сейчас же обратим внимание на этимологическую вторичность понятия «рациональность», так как латинское – *ratio* – есть ничто иное, как вольная калька с греческого *logos*, ведённая в оборот Цицероном. Это обстоятельство делает осмысление *логоса* неизбеж-

ным и важным для понимания исходных путей *рациональности*, переплетённых с последующими многочисленными историко-культурными вкраплениями. Продолжая этимологическое отступление, стоит указать на обстоятельство того, что и логос как понятийная единица не сводима к единому смысловому «якорю»; в авторитетном словаре древнегреческого языка И. Дворецкого слово *λόγος* имеет 34 гнезда значения [5, с. 1034].

Состояние проблемы

Но что же такое *логос* в космическом мироустройстве древнегреческого бытия? Как пишет русский философ С.Н. Трубецкой в своём фундаментальном трактате посвящённом логосу («Учение о логосе в его истории», 1906), термин встречается уже у Гомера, однако в противоположность «мифосу», «логос» в гомеровском эпосе употребляется в уничижительном значении, как то: сомнительное, лукавое, чему не следует доверять. Впрочем, продолжает Трубецкой, «мало-помалу такое отношение радикально изменяется: «логос» берет верх над «мифом» или «эпосом». Миф из «сказа» превращается в «сказание» или «сказку» и противопоставляется истинному слову – логосу» [6, с. 20]. Здесь уместно прояснить особенность античного мифа и античной мифологии. Кратко это можно сделать таким ответом: античная мифология *религиозна*. Сама же религиозная культура античного мира не имеет каноники, поэтому говорить о *собственно* религиозной природе древнегреческого культа практически невозможно. Знаток древности М. Нильсон замечает: «У греков были, конечно, определенные религиозные представления, но они никогда не были оформлены в систему. То, что греки называли теологией, было либо метафизикой, либо учением о различных богах и их деяниях» [10, с. 7].

Впрочем, в некоторых штрихах можно ухватить и зафиксировать общие и важные моменты. Первое: языческие культы переплетались с эзотерико-мистическими доктринами орфического толка; второе: религия имела социальный (гражданский) статус, то есть исповедание религии было обязательным делом каждого. Однако

религиозные представления эллинов эпохи Гомера были далеки от отождествления бога и истины, что столь естественно для, скажем, авраамической религиозной культуры. Как сообщает исследователь древнегреческой культуры Ф. Зелинский: «Бог у него (Гомера, – *курсив мой. Ю.С.*), во-первых, даже и не всегда знает истину: его знание вначале так же ограничено, как и его могущество, и только «Одиссея» провозглашает принцип «боги все знают» наравне с принципом «боги все могут». И подавно он не чувствует необходимости всегда вещать истину» [6, с. 144]. В этом контексте никак нельзя объявить случайностью и связь Гермеса и Логоса в панораме мифологического воззрения древнего грека. Логос посвящается Гермесу, Логос назван сыном Гермеса – посланника, вестника богов, Hermes-Logo – изобретатель меры, числа, азбуки, риторики и, в тоже время, непревзойденный хитрец, лжец и вор (не даром Гермес считался покровителем торговли). «Но внутренней силой каждой науки, приспособляющей ее вывести из данных предпосылок должное заключение, был Логос – а он был посвящен Гермесу, который поэтому и назывался Гермесом-Логием. Был посвящен... этим слишком мало сказано. Нет, если подлинно «в истине бог», то Логос был самым богом, был божественным сыном Гермеса, каким его и признает «герметизм» [6, с. 154]. Собственно уже здесь, в колыбели Европы, в образе Гермеса, человек интуитивно (в то же время непротиворечиво и гармонично) выразил диалектическую диспозицию (логос-истина – логос-ложь), ставшую позже – в романтический период новоевропейской истории – утвердительной (логос-ложь), финализацию которой пафосно-поэтически запечатлел Ф. Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь» («*Silentium!*», 1830).

Култ Гермеса-Логоса имеет свою интересную историко-культурную метаморфозу – герметизм, который сыграл немаловажную роль в формировании образа европейской культуры. Более того, таинственный образ Гермеса, начав будоражить умы просвещённых граждан в античности, и будучи реанимированным в эпоху Возрождения, под личиной «нового тайного учения» («new age») актуален для эзотерически настроенной интеллигенции и сегодня

в третьем тысячелетии. У известного религиоведа Й. Кулиану мы обнаруживаем справедливое пояснение: «Платоновский постулат не является непосредственной основой теории магии, принципы которой оставались более или менее идентичны начиная от поздней Античности до Возрождения. А вот теория пневматики стоиков представляет собой отправную точку всех умозрительных построений относительно практической магии» [7, с. 240].

Стремление пройти неким «серединным» путём между ригористикой разума и мистицизмом веры оказалось делом крайне привлекательным. По мнению автора приведённого выше, герметизм теснейшим образом сопряжён с историей таких учений как платонизм, христианство, иудаизм, экзистенциализм [15, с. 15]. Вот лишь несколько примеров из истории герметизма: утверждение культа Гермеса-Тота (Трисмегиста) (Др.Египет-Др.Греция II в. до н.э.), герметические изыскания неоплатоников (Ямвлих (240–325), Проклус (412–485)), поиск предпосылок Евангелия в мифологических учениях античности отцами Церкви (Августин Блаженный (354–430) в «О граде Божьем» делает Гермеса потомком Моисея; Климент Александрийский проводит аналогии Гермеса-Логоса и Христа-Логоса; видные деятели Ренессанса М. Фичино (1433–1499), Д. Бруно, Д. Пико дела Мирандола развивают идеи герметического корпуса в своих трудах; известное влияние оказал герметизм на учёных мужей Просвещения – Ф. Бэкона и И. Ньютона.

Популярность и живучесть этой доктрины можно рассматривать как своеобразную интенцию человека удержаться на двух полюсах, синкретизировать *рациональное и мистическое* («имманентный пессимизм, соединенный с возвышенным спиритуализмом, т. е. дуалистическое мировосприятие», – согласно характеристике герметизма норвежского исследователя Э. Виллера) [4, с. 126]. Причина проста и даже банальна: найти рациональное объяснение предмету мистического знания; а рациональному знанию, осознав свою пороговую недостаточность, устремиться за собственные пределы для обретения гносеологического универсума. Иначе говоря, лейтмотив «Гермес-Логос», возникший две с половиной тысячи лет назад, и

пронизав многие эпохи, цивилизации и культуры, остался прежним; выразим его следующим образом: да, исток логоса – божественная Истина, и логос принадлежит ей, однако логос это всего лишь «вестник», который может заплутать, слукавить и исказить, а так как нет иного посредника между Истиной и человеком, то последнему остается, *проверяя – доверять* логосу (как тут не вспомнить сентенцию Ф. Ницше: «Истина требует, подобно всем женщинам, чтобы ее любовник стал ради нее лгуном»).

Точка зрения

Смысловый итог наших первичных размышлений о культе Гермеса-Логоса может быть выражен следующим суждением: помимо двух векторов – веры и разума (огрубляя, отождествим сейчас первое с религией, второе с наукой), существует и третий, альтернативный вектор – *герметизм* (шире – *окультизм*). Исключая всевозможные спекуляции и вариации этого феномена, можно заключить, что исходной его точкой было бескорыстное намерение человека преодолеть не-логичность веры и предельность разума во фьюжне нового учения, о котором пишет философ-историк Э. Брейе: «Это не какая-то теория, а непосредственный, внезапный, неожиданный опыт в переживании божественного; часто непродолжительный, редкий, мгновенный опыт присутствия, которое не вписывается в рамки нормального, обыденного опыта и которое, конечно же, по этой самой причине сопровождается глубоким потрясением сознания – ощущением единения, слиянием с реальностью, стирающим всякое самосознание» [2, с. 296].

Но, несмотря на внешнюю заманчивость доктрины, история в лице науки и религии ей вынесла справедливый вердикт – «вне закона», и даже не за одновременную «измену», а за то, что в своей целокупности, герметизм не выдерживает достаточного уровня критики, распадаясь на изначальные сегменты мистики и рациональности. Впрочем, исключение оккультизма из сферы «официального общения» с наукой и религией вовсе не означает тотального разрыва с последними; напротив, проникновение герметизма

в ткань научной и религиозной природы весьма существенно. Писатель Г.К. Честертон однажды об этом сказал так: «Мы спарили оккультизм с порнографией, материалистическую чувственность мы помножили на безумие спиритизма» [14, с. 247].

Возвращаясь к магистральной линии нашей темы, нужно сказать, что сопряжение эйдоса (мифоса) и логоса не является случайным (показательно само именование «мифология», подчёркивающее диалектизм). Поясняя смысл заглавия этого раздела, сошлёмся на символическую концепцию мифа А. Лосева, утверждающую, что миф онтологически укоренен и в человеке, и в общественном сознании. Таким образом, миф согласно Лосеву это тот же эйдос (логически сконструированный): *эйдос* – онтологическая сущностная сила; *логос* – методологически-инструментальное оформление эйдоса. Иерархически это выстроено следующим образом: *логос эйдоса, логос логоса, логос меона, логос софии, логос энергии*. Отождествление и одновременно разведение эйдоса и логоса Лосевым объясняется достаточно ясно: «Эйдос и логос – царство нетекучего и самотождественного смысла»; «Логос, или логическая конструкция, эйдоса дал нам диалектику»; «*Логос выражения эйдоса есть предмет эстетики, и логос выражения логоса есть предмет грамматики*» [8, с. 187; 183]. Как нет сомнений в том, что поэзия и проза – литература, различающиеся выразительными средствами, так и эйдос и логос, по мысли Лосева, следует мыслить подобным образом (кстати, философ и иллюстрирует свои рассуждения на примерах филологии). Тут вспомним видного французского философа П. Рикёра, который ссылаясь на Аристотеля, обнаруживает грани сродства, через которые Стагирит сродняет логос с мифосом, подразумевая под последним «особого рода вербальную композицию», «некую операцию /.../ – структуриацию» [11, с. 62]. И поэтому нет противоречия в словах того же С. Трубецкого: «... в период умственной зрелости миф отходит всецело в область предания, поэзии или вымысла. Миф, являвшийся некогда истинным, обращается в «ложную речь, подражающую истине» или уже в поэтическую фабулу, в басню

(напр., «мифы» Эзопа). /.../ Мифическое мирозерцание поэзии сменилось прозой трезвой мысли» [12, с. 21].

Таким образом, историко-философская картина выглядит следующим: *логос* «генетически» связан с Гераклитом – «Тёмным», таинственным аристократом-мыслителем досократовской Эллады. Впрочем, приписываемое Гераклиту учение о логосе (именно *учение!*) весьма сомнительно, так как фрагментарность наследия философа не даёт возможности однозначного суждения о «логосе» как о некоем «всеобъемлющем разуме», и вполне может быть, что Гераклит использовал этот термин сугубо технически, контекстуально обозначая им меру, слово или речь. Это подтверждает прозорительный гений XX века – М. Хайдеггер: «Но что такое «Логос»? Гераклит об этом не говорит – ни в одном из дошедших до нас речений» [13, с. 30]. Однако далее Хайдеггер даёт развёрнутое пояснение: «Тем не менее, нам надо хорошо запомнить, что *λόγος* — это не «слово», не «речь» и не «язык». Это явствует уже из того, что основное значение данного греческого слова ни в коей мере не может подразумевать ничего похожего на «речь» и «язык», да и вообще не содержит никакого намека на что-либо языковое и похожее на язык. Правда, с другой стороны, бесспорно и то, что *λόγος* и связанный с ним глагол *λέγειν* греки довольно рано начинают употреблять и в значении «говорить», «сказать». Это два бесспорных факта, которые надо принять. В их соседстве друг с другом скрывается нечто загадочное» [13, с. 294]. Определяя гераклитов Логос посредством триады: «Одно и Все», «сбор и со-средоточение», «именование бытия», – Хайдеггер уточняет ключевое: «Логос – нечто слышимое, нечто вроде речи и голоса, но, по видимому, не голос человека, озвучивающего, оглашающего свою речь» [13, с. 300]. Дополним эту мысль еще одним важным местом, в котором немецкий мыслитель обнаруживает «второе дно» привычного понятия, *соотнося логос с эйдосом* (по существу, мы вновь встречаемся с мыслью, которую ранее обнаружили у А. Лосева): «Таким образом, в каком-то смысле *εἶδος* и *λόγος* — одно и то же. Иными словами, *λόγος*, понятый как название и высказывание, постигается в соотносении с *ἰδέα*;

λόγος, взятый как высказывание, есть то понимание «логоса», которое движется в кругу мышления, мыслящего сущее из идей, то есть метафизично, λόγος, мыслимый логикой, есть λόγος, который мыслится метафизично. Логика есть метафизика «логоса» [13, с. 312]. Метафизическую двойственность логоса подтверждает и академик С. Аверинцев: «В целом учение Гераклита о Л. (Логосе, – *курсив мой*. Ю.С.) представляет близкую историко-философскую аналогию учению Лао-цзы о «дао» [1, с. 115].

Иное толкование «логоса» предлагали представители элейской школы. Парменид и его ученики полагали, что явления нельзя отождествлять с абсолютно-существующим (Логосом). Абстрактную мысль (Логос как «слово о сущем») элеаты впервые противопоставили действительности (видимости, доксе). С. Трубецкой пишет: «Он (философ – *курсив мой*, Ю.С.) приходит к нему (логосу – *курсив мой*, Ю.С.) из рассмотрения внешней природы, не из анализа логических процессов. Таким образом, в древнейший период греческой философии термин *логос* имеет колеблющийся смысл. Он означает главным образом *рассуждение* как в объективном, так и в субъективном смысле. Природа вещей понимается в рассуждении, которое противопоставляется обманчивой видимости; отвлеченное рассуждение, отвлеченная мысль обнимает в себе истину, откуда впоследствии могло явиться заключение, что эта мысль совпадает с истинной или что истина есть *идея*. С другой стороны, рассуждение есть действие человеческого ума, выражающееся в *речи* или способностях человеческого духа, – рассудительность» [12, с. 24]. Схожую мысль мы встречаем в словах российского философа С. Неретиной, подчёркивающей, что «античная философия исследовала *сущности вещей* самих по себе, независимых друг от друга. Слово было одной из таких вещей, обладавших строго определенной функцией. Под ним к тому же понималось «слово, произнесенное вслух», потому особенно важно было выяснить ускользающие речевые связи, их логику (от греч. *logos* – слово, мысль). Эта особенность античной словесности определила во многом и открытый характер образования – через беседы-диалоги, происходившие то на лоне природы, то на пиру-симпозиуме» [9, с. 15].

Резюме

Таковы первые исторические определения логоса – *разумного начала*. Как мы видим, уже на заре греческой философии отсутствует однозначное понимание «логоса»:

- мифологическая интуиция связывает логос с Гермесом, что интерпретируется так: логос отождествляется с истиной, но отождествление это – функциональное, так как логос – посредник: разумный носитель, но и «лукавый раб» истины;
- в интерпретациях первых философов логос отождествляется либо с внутренним законом сущего – логос есть истина (линия Гераклита), либо противоплагается явлению (линия Парменида). Но и в том и другом случае, досократический логос – это озвученное бытие, «сущность *ratio*, разума», выражение разума, заполняющего всё пространство космоса – суть то, что сегодня мы именуем античным космо-логизмом – разумным скреплением, объединяющим средоточием физической и ментальной *органики* Древней Эллады;
- ранняя античная философия не знает жёсткой дихотомии логоса и эйдоса (мифоса); скорее – в ней присутствует интенция обнаружения топосов различия между ними. Подтверждение этой точки зрения мы находим в трудах М. Хайдеггера и А. Лосева.

Список литературы

1. Аверинцев С. София–Логос. Словарь. К.: Дух і літера, 2005. 902 с.
2. Брейе Э. Философия Плотина. СПб.: «Владимир Даль», 2012. 392 с.
3. Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука. Математика древнего Египта, Вавилона и Греции. М.: Физматлит, 1959. 460 с.
4. Виллер Э. Учение о Едином в античности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2002. 668 с.
5. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Том 1. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 1043 с.
6. Зелинский Ф.Ф. История античных религий. Том 1-3. СПб.: Издательский проект «Квадривиум»; Алетейя, 2014. 864 с.
7. Кулиану Й. Эрос и магия в эпоху Возрождения. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. 592 с.

8. Лосев А.Ф. Философия имени / Самое само: Сочинения. М.: ЭКС-МО-Пресс, 1999. 1024 с.
9. Неретина С.С. Верующий разум. Книга бытия и Салический закон. Архангельск.: Изд-во Поморского педуниверситета, 1995. 320 с.
10. Нильсон М. Греческая народная религия. СПб.: «Алетейя», 1998. 326 с.
11. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АО «КАМИ», Изд. центр АКАДЕМИЯ, 1995. 160 с.
12. Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков «Фолио», 2000. 656 с.
13. Хайдеггер М. Гераклит. СПб.: «Владимир Даль», 2011. 512 с.
14. Честертон Г.К. Рассказы. Эссе. Сказки. М.: Истина и Жизнь, 2002. 368 с.
15. Kulianu I.P. The tree of Gnosis: gnostic mythology from early Christianity to modern nihilism. San Francisco.: Harper Collins publ. 1992. 296 p.

References

1. Averincev S. *Sofija–Logos. Slovar'* [Sofia-Logos. Dictionary]. K.: Duh i litera, 2005. 902 p.
2. Breje Je. *Filosofija Plotina* [Philosophy of Plotinus]. SPb.: «Vladimir Dal'», 2012. 392 p.
3. Varden B.L. *Probuzhdajushhajasja nauka. Matematika drevnego Egipta, Vavilona i Grecii* [The awakening science. Mathematics of ancient Egypt, Babylon and Greece]. M.: Fizmatlit, 1959. 460 p.
4. Viller Je. *Uchenie o Edinom v antichnosti i srednevekov'e* [The doctrine of the One in antiquity and the Middle Ages]. SPb.: Aletejja, 2002. 668 p.
5. Dvoreckij I.H. *Drevnegrechesko-russkij slovar'* [Ancient Greek-Russian dictionary]. Volume 1. M.: Izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1958. 1043 p.
6. Zelinskij F.F. *Istorija antichnyh religij* [History of ancient religions]. Volume 1-3. SPb.: Izdatel'skij proekt «Kvadrivium»; Aletejja, 2014. 864 p.
7. Kulianu J. *Jeros i magija v jepohu Vozrozhdenija* [Eros and magic in the Renaissance]. SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2017. 592 p.

8. Losev A.F. *Filosofija imeni / Samoe samo: Sochinenija* [Philosophy of the name / The most self: Works]. M.: JeKSMO-Press, 1999. 1024 p.
9. Neretina S.S. *Verujushhij razum. Kniga bytija i Salicheskij zakon* [A believing mind. The book of being and Salic law]. Arhangel'sk.: Izd-vo Pomorskogo peduniversiteta, 1995. 320 p.
10. Nil'son M. *Grecheskaja narodnaja religija* [Greek folk religion]. SPb.: «Aletejja», 1998. 326 p.
11. Rikjor P. *Germenevtika. Jetika. Politika* [Hermeneutics. Ethics. Policy]. M.: AO «KAMI», Izd. centr AKADEMIJa, 1995. 160 p.
12. Trubeckoj S.N. *Uchenie o logose v ego istorii* [The doctrine of the Logos in its history]. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»; Har'kov «Folio», 2000. 656 p.
13. Hajdegger M. *Geraklit* [Heraclitus]. SPb.: «Vladimir Dal'», 2011. 512 p.
14. Chesterton G.K. *Rasskazy. Jesse. Skazki* [Stories. Essay. Fairy tales]. M.: Istina i Zhizn', 2002. 368 p.
15. Kulianu I.P. The tree of Gnosis: gnostic mythology from early Christianity to modern nihilism. San Francisco.: Harper Collins publ. 1992. 296 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Соболев Юрий Викторович, доцент кафедры философии и социальных наук, кандидат философских наук, доцент
Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва
просп. имени газеты Красноярский Рабочий, 31, г. Красноярск, 660025, Российская Федерация
ysob@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sobolev Yuri Victorovich, Associate Professor of Philosophy and Social Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
31, Krasnoyarskiy Rabochiy, Krasnoyarsk, 660025, Russian Federation
ysob@mail.ru